

Н. В. Гоголь. Повести. Предисловие. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Н. В. Гоголь. Повести. Предисловие. Владимир Владимирович Набоков

Предисловие

Николай Васильевич Гоголь родился в 1809 году в Полтавской губернии, в местечке Сорочинцах, в мелкопоместной дворянской семье. В 1828 году Гоголь окончил Нежинскую гимназию и переехал в Петербург.

В 1831 году вышел первый том "Вечеров на Хуторе близ Диканьки", а в 1832 году - второй. В 1835 году Гоголь напечатал два тома рассказов под заглавием "Миргород" ("Вий", "Старосветские Помещики" и пр.) и около того же времени "Арабески" ("Невский Проспект", "Записки Сумасшедшего" и пр.). О ту же пору написал он повесть "Нос" и пьесу "Ревизор", впервые поставленную в театре весной 1836 года. Почти сразу после спектакля Гоголь уехал за границу и в течение двенадцати лет жил то в Швейцарии, то в Австрии, то в Париже, а больше всего в Риме, лишь изредка наезжая в Россию. За границей он закончил "Шинель" и написал "Мертвые Души", первый том которых выпустил, когда посетил Россию в 1842 году.

С 1842 по 1852 год Гоголь почти непрерывно переезжал с места на место в тщетной погоне за здоровьем и вдохновением. В 1848 году посетил Иерусалим. Потом жил то в Москве, то в Одессе, то у матери в Васильевке. В 1852 году, в Москве, Гоголь сжег рукопись второго тома "Мертвых Душ" и то, что было написано им из третьего. От второго тома случайно сохранилось пять первых глав. На закате жизни он боролся с душевным разладом, мучился потерей писательского дара и разрушал постами свой хрупкий организм.

Он умер 21 февраля 1852 года.

* * *

За сто лет со дня смерти Гоголя литературная репутация, в свое время навязанная ему гражданствующей, благоустремленной, но в сущности противохудожественной критикой, мало изменилась. Несмотря на здравомыслие новых, житительных суждений, высказанных незадолго до революции - на пороге уже совершеннейшей тьмы в смысле критики, - решительного переворота в оценке Гоголя не произошло. В широких, как говорится, кругах читающей публики образ Гоголя и поныне остался верен официальной школьной версии: увы, Гоголь остался сатириком, бичующим пороки ему современного общества; двойственным юмористом - заставляющим смеяться до слез и смеющимся сквозь слезы. По невероятному стечению обстоятельств, один из величайших мировых ирреалистов был произведен в какого-то столоначальника русского реализма.

* * *

В петербургских рассказах Гоголя мы впервые видим его настоящее лицо: не того Гоголя, который будто бы смешил даже своих наборщиков, а того, который намечается в цветном тумане неровных "Арабесок" и полностью утверждается в "Носе", в "Шинели", в "Ревизоре", в "Мертвых Душах".

Его длинный и острый нос, которым, без помощи пальцев, Гоголь ухитрялся добывать понюшку из самой миниатюрной табакерки, этот необыкновенный нос учуял совершенно новые запахи в тех болотных, призрачных дебрях, где новым трепетом затрепетала русская литература. От скромной фиалки на дне чичиковской табакерки до "Ночной фиалки" Блока один лишь шаг - по животворной, чмокающей мочежине (с которой, между прочим, немало перешло и в толстовский ягдташ). В юношеских произведениях Гоголя образ носа еще держался средневековой, карнавальной, балаганной традиции; в пору расцвета своего гения Гоголь нашел в этом незатейливом органе лучшего своего союзника. Действительно, что может быть иррациональнее и вместе с тем ближе к сущности вещей, чем запахи? Кто из нас - на углу улицы в незнакомом городе - не испытывал при мгновенном, и вот уже исчезнувшем, дуновении близость громадного, цельного, совершенно сохранившегося где-то, нашего личного прошлого, готового тут же открыться опытному нюхателю? В этом смысле художник-писатель совмещает в себе и охотника и охотничью собаку, когда же, решив стать проповедником, ясновидцем, медиумом, Гоголь тем самым не то заснул, не то удавил в себе художника, он потерял и нюх, как Ковалев лишился носа.

Н. В. Гоголь. Повести. Предисловие. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Гоголь был странен во всем; но странность и есть основная черта гения. Только здоровую посредственность принимает благодарный читатель за мудрого старого друга, так славно излагающего и развивающего собственные, читательские, мысли о жизни. Великая литература всегда на краю иррационального. "Гамлет" – это дикий сон гениального школяра-неврастеника. Гоголевская "Шинель" – рваная рана, черная дыра в тусклой ткани повседневности. Поверхностный читатель примет ее за фарс; читатель "с запросами" скажет, что автор бичует то-то и то-то; но, по-настоящему, рассказ написан для читателя творческого, одаренного особым читательским вдохновением. Пушкин в зрелой "Песне" Вальсингама, в сне Татьяны или даже в заревой своей "Вольности", Толстой в страшных видениях Карениной и Вронского и в бреду Ивана Ильича, Чехов в гениальном своем "Овраге" каждый из них мог похвалиться проблесками сверхрассудочного прозрения. Но у Гоголя иррациональное в самой основе искусства, и как только он пытается ограничить себя литературными правилами, обуздать логикой вдохновение, самые истоки этого вдохновения неизбежно мутятся. Когда же, как в "Шинели", он дает волю бредовой сущности своего гения, он становится одним из трех-четырех величайших русских беллетристов.

Есть разные способы раскрепощать житейскую логику; каждый большой писатель делает это по-своему. Прием Гоголя двоякий: он состоит из неожиданных взрывов и промежуточной трусцы. Под самыми нашими ногами вдруг распаивается до того не замеченный люк, или высоко взносит нас риторический вихрь, только для того, чтобы уронить в следующий по пути люк. Любимцей Гоголя была муза абсурда, муза нелепости. Смешное – лишь один завиток нелепости, ибо в абсурдном столько же оттенков, сколько в трагическом: в него-то, на последнем пределе спектра, и переходит гоголевская призматическая нелепица. Заметим, что вопрос не в том, ставит или не ставит Гоголь своих героев в нелепое положение: нельзя поставить в нелепое положение тех, кто и так живет в мире нелепицы. Контраст состоит в другом. Акакий Акакиевич трогателен и трагичен, и только по этому, вторичному, признаку он выделяется с пронзительной, своеродной нелепостью на фоне общей повседневной нелепости мира "Шинели" – из которого, впрочем, он произошел, без которого не мог бы существовать.

Этот фон сам по себе неровен и дыряв. Материя совпадает с манерой, сложность жизни – со слогом автора. Там и сям, в самом невинном на вид абзаце, иное простецкое, подсобное слово, какое-нибудь "даже" или "почти", поставлено таким манером, оказывается в такой нездоровой семантической среде, в таком противоречивом контексте, что невинный абзац тут же взрывается (исподтишка, беззвучно, как далекая бомба в прежнем, немом, кинематографе). А то еще гоголевский говорок вдруг потопляет пена пышной поэзии, или даже волна какого-то почти библейского красноречия, которая, покипев, разрешается самым плоским, нарочито вялым аккордом, и все опять обращается в то бормотание, которым Гоголь, как всякий опытный фокусник, прикрывает обман, передержку, мгновенную отвратительную метаморфозу.

Кроткий Акакий представляет собой в этом нелепом мире и сокровенную сущность его, и вместе с тем патетическую попытку преодоления абсурда. Прорехи в словесной ткани соответствуют прорывам в самой жизни; чиновный, серый, студеной Петербург прерывается вдруг не просто большой черной площадью, а какой-то шаманской бездной. Где-то, в самом болотном корне земной жизни, что-то не так, что-то не то, и все люди на этой сомнительной планете могут быть сравнены с мирными и в общем довольно дебелыми умалишенными, занятыми всякими пустыми, нелепыми, им одним кажущимися важными делами. В этом мире бессмысленного унижения и бессмысленного торжества высшей целью страстных творческих устремлений становится что? новый покров ларвы, шинель, chenille, мохнатая кожица уже и так полураздавленного червя – и эту новую шинель коленопреклоненно боготворят и портной и заказчик; а меж тем она, как и Акакий, обречена и сама собой сваливается на измызганный пол с чужой насмешливой вешалки. Я не говорю, конечно, о морали, о поучении. Какое же может быть нравоучительство в мире, где нет ни учеников, ни учителей, где все, как смерть, твердо и неизменно, в мире, который самым фактом своего существования исключает все, что могло бы его разрушить. А главное, какую же тут можно проследить мораль, когда судьбой Башмачкина играет гениальный, но безответственный фокусник.

Пока шьется и наконец надевается на Акакия Акакиевича шинель, пока длится вся процедура его облачения, происходит, в сущности, как раз обратное: Акакий Акакиевич постепенно разоблачается до полной наготы, до наготы призрака. Взлетами пасторского пафоса или быстрым профессиональным лепетом Гоголь

Н. В. Гоголь. Повести. Предисловие. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru прикрывает необыкновенный свой трюк: к концу повести поток как будто ненужных и не относящихся к делу подробностей производит такое гипнотическое действие на читателя "Шинели", что от него может ускользнуть одно простое обстоятельство; между тем это чрезвычайно важное обстоятельство есть неременная часть главного замысла "Шинели", умышленно Гоголем замаскированного. Тот, кого принимают за призрак ограбленного Акакия, и есть на самом деле вор, его ограбивший. Однако призрак Акакия существовал лишь постольку, поскольку его владелец был несправедливо лишен шинели, и вот, перед нами нелепейший парадокс: квартальный принимает за этот обиженный призрак прямую его противоположность, т. е. вора шинели. Таким образом, тема повествования описывает полный круг, круг порочный, круг заколдованный, как и все круги на свете, хоть и являются они нам порою в безобидном образе яйца, яблока, земного шара или лица человеческого лица, на крышке табакерки прорываемого большим пальцем портного.

Сколько бы раз в жизни кочевник-читатель ни оказывался случайно у полки с живым растрепанным томом Гоголя (среди многих совершенно целых, но мертвых книжонок), Гоголь всегда его поразит своей волшебной обновляющей новизной, своими все глубже вскрывающимися слоями смысла. Точно проснулся человек посреди лунной ночи у себя в дрянном, поперечно-полосатом номере и, до того как снова забыться, услышал за тонкой, тающей в сером свете стеной как бы приглушенные звуки тихо и, на первый прислух, смешливо настроенного оркестра: пустяковые и вместе с тем бесконечно важные речи; смесь странных, прерывистых голосов, то с истерическим треском расправляемых крыльев, то с ночным озабоченным бормотаньем обсуждающих человеческое бытие. В этом соприкосновении с какой-то смежной вселенной и состоит, мне кажется, мгновенно воспринимаемая магия и вечно пребывающее значение "Петербургских Повестей".

Впервые: Н. В. Гоголь. Повести. Издательство им. Чехова. Нью-Йорк, 1952.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!